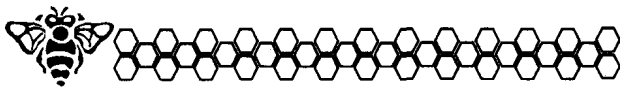

STUDIA HISTORICA
SERIES MINOR

А. А. ФОРМОЗОВ

ПУШКИН И ДРЕВНОСТИ
НАБЛЮДЕНИЯ АРХЕОЛОГА

ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

ББК 63.4(2)
Ф 79

Формозов А. А.

Ф 79

Пушкин и древности: Наблюдения археолога. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 144 с. – (Studia historica. Series minor.)

ISBN 5-7859-0114-5

Автор рассматривает все дошедшие до нас высказывания Пушкина о древностях и их исследователях, сопоставляет их с тем, что мы знаем об археологии XIX века и с современными представлениями о прошлом. Такой подход позволяет увидеть в произведениях Пушкина новые детали, затронуть вопрос о различии путей познания поэта и ученого.

ББК 63.4(2)

В оформлении обложки использованы иллюстрации:

П. Ф. Соколов. «А. С. Пушкин» (1836),

Н. Г. Чернецов. «Тифлис» (1839).

Александр Александрович Формозов

ПУШКИН И ДРЕВНОСТИ

Наблюдения археолога

Издатель А. Кошелев

Художественное оформление обложки Сергея Жигалкина.

Корректор М. М. Коробова.

Издательство «Языки русской культуры».

129345, Москва, Оборонная, 6-105; ЛР № 071304 от 03.07.96.

Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153).

E-mail: mik@sch-lrc.msk.ru

Каталог в ИНТЕРНЕТ

<http://postman.ru/~lrc-mik>

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

ISBN 5-7859-0114-5

© А. А. Формозов, 2000

© Языки русской культуры, 2000

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	7
Как складывалась археология в России и что знал об этом Пушкин	11
Пушкин и археологические памятники юга России	33
Пушкин и легенда о гробнице Овидия	55
Интерес Пушкина к Древнему Египту. Гулянов	73
Пушкин и Ходаковский	87
Путешествия по России	97
Заключение	123
Примечания	129
Список сокращений	144
Список иллюстраций	144

ОТ АВТОРА

Заглавие этой книги вызовет, вероятно, недоумение. Что общего между Пушкиным и археологией? Раскрыв «Словарь языка Пушкина», мы без труда убедимся, что за всю свою жизнь он ни разу не употребил этот термин, хотя, несомненно, встречал его в печати и переписке. Так, в рецензии Н. А. Полевого в «Московском телеграфе» за 1828 г. говорилось, что «сцена Самозванца в кельи монаха-летописателя стоила... больших соображений, чтения, критического обозрения Истории и Археологии XVII века»¹. То же слово мы найдем в письме К. Ф. Калайдовича к Пушкину от 13 декабря 1827 г. (XVII, 68)* и в письме А. И. Тургенева к В. А. Жуковскому относительно просьбы недавно погибшего поэта узнать у А. И. Итальянского, как он расценивает «Слово о полку Игореве»². Но, повторяюсь, у самого Пушкина этого слова нет.

Значит, прежде всего автор должен объяснить читателям, почему и зачем он написал эти очерки.

Область наших интересов определяется, как правило, очень рано. Так было и со мной. Мне исполнилось восемь лет, когда торжественно отмечался пушкинский юбилей 1937 г. Помню, как отец подарил мне однотомник, выпущенный к юбилею Детиздатом. Издания Пушкина у нас дома были, конечно, и раньше, но именно эта книга, богато иллюстрированная, нарядная по тем временам, помогла мне почувствовать — разумеется, еще только в самом первом приближении — дух пушкинской поэзии и его эпохи. Помню открытие выставки в Историческом музее, переехавшей позже в Эрмитаж, а затем — в здание Царскосельского лицея. Советского школьника, усво-

* Все ссылки на произведения Пушкина даны в тексте по большому академическому «Полному собранию сочинений» (тома I—XVI, 1937—1949). Римская цифра обозначает том, арабская — страницу.

ившего, что все старое обречено на уничтожение, поразило, что сохранились перо поэта, его чернильница, перстень, сотни портретов, книг, вещей. Благодаря им начало XIX в., отделенное от нас уже столетием, становилось зримым, осязаемым. Так еще в школьные годы у меня возник интерес к прошлому нашей культуры, и было решено, что моя будущая специальность — изучение Пушкина, декабристов, истории русской литературы и общественной мысли.

Действительно, я поступил на Исторический факультет Московского университета, но тогда — в конце трудных 40-х годов — я предпочел заняться глубокой древностью, первобытной археологией. Я вел раскопки в Крыму и на Кавказе, опубликовал ряд работ по каменному и бронзовому веку. Но первое увлечение не прошло бесследно. Между делом я собирал материал о науке минувшего столетия, напечатал несколько книг и статей по этой теме.

На страницах старых археологических изданий я встречал имена, знакомые мне по произведениям Пушкина, по его письмам или воспоминаниям о нем. Это В. Г. Анастасевич, И. П. Бларамберг, Е. А. Болховитинов, К. М. Бороздин, В. Б. и С. М. Броневские, А. Ф. Вельтман, Э. А. Волконская, Г. Г. Гагарин, А. Г. Глаголев, Ф. Н. Глинка, А. С. Грейг, В. В. Григорьев, И. А. Гульянов, П. А. Дюбрюкс, А. А. Ивановский, Н. Д. Иванчин-Писарев, К. Ф. Калайдович, Е. Ф. Канкрин, В. Н. Каразин, М. Т. Каченовский, Е. Е. Кёлер, П. И. Кёппен, Н. Ф. Кошанский, А. И. Левшин, А. Ф. Леопольдов, И. П. Липранди, М. Н. Макаров, М. А. Максимович, А. Ф. Малиновский, А. Н. Муравьев, Н. Н. Муравьев (Карсский), И. М. Муравьев-Апостол, Н. И. Надеждин, С. Д. Нечаев, А. С. Норов, А. Н. Оленин, М. П. Погодин, И. П. Сахаров, П. П. Свињин, Ф. Г. Солнцев, И. М. Снегирев, Г. И. Спасский, И. А. Стемповский, С. Г. Строганов, П. М. Строев, В. Д. Сухоруков, В. Г. Тепляков, А. А. Турчанинова, С. С. Уваров, П. Н. Фусс, Э. Я. Ходаковский, А. Д. Чертков³. Более 50 человек! Иными словами, за исключением двух-трех киевских археологов, Пушкин знал всех исследователей древности, живших в России одновременно с ним.

Другой вопрос, вправе ли мы сделать из этого факта какие-либо далеко идущие выводы. Круг дворянской интеллигенции

в 1820—1830-х годах был крайне узок. Все всех знали. Чуть ли не все со всеми считались родством. Должно было пройти полвека, прежде чем стало возможным, чтобы Достоевский и Лев Толстой, живя рядом, мучительно думая над одними и теми же проблемами, так никогда и не встретились.

Простое знакомство еще мало о чем говорит. Вот, например, Александр Дмитриевич Чертков. Личность, безусловно, незаурядная. Он был создателем русской нумизматики — науки о древних монетах, первым провел раскопки подмосковных курганов, принадлежавших племени вятичей, собрал замечательную библиотеку, ставшую после его смерти общедоступной. Сейчас на основе Чертковского книгохранилища выросла одна из лучших библиотек столицы — Историческая. Как же относился к нему Пушкин? 11 и 14 мая 1836 г. он писал жене: «Недавно сказывают мне, что приехал ко мне Чертков. От роду мы друг к другу не езжали. Но при сей верной оказии вспомнил он, что жена его мне родня, и потому привез мне экземпляр своего "Путешествия в Сицилию". Не побранить ли мне его en bon parent [по-родственному]?» «На днях звал меня обедать Чертков, приезжаю — а у него жена выкинула. Это нам не помешало отобедать очень скучно и очень дурно» (XVI, 114, 116). Нет сомнений, что для Пушкина Чертков — лишь случайное светское знакомство, скорее докучное, чем интересное.

Другой пример — крупнейший русский археолог первой трети XIX в. Алексей Николаевич Оленин. Пушкин знал его лет 20, бывал у него и дома, и в загородном имении Приютино, сватался к его дочери, в юности благодарил за «любезную благосклонность», выразившуюся в изящном оформлении издания «Руслана и Людмилы» (XIII, 28), после ссылки с раздражением назвал его в черновиках к «Евгению Онегину» «пролаз, нулек на ножках» (VI, 514). Но при всем том остается неясным, проявлял ли когда-нибудь поэт любопытство к изысканиям президента Академии художеств в области античных и средневековых древностей, использовал ли хоть раз какие-либо результаты его работы ⁴.

То, что на протяжении своей жизни Пушкин встречался со многими археологами, позволяет рассчитывать только на мелкие уточнения к его биографии с помощью литературы об этих его современниках, их архивов и т. д. Кое-что из таких наблю-

дений было опубликовано мною раньше, что-то предлагается здесь читателям впервые.

Но есть другой аспект темы, гораздо более широкий и интересный. 1820—1830-е годы — это период, когда в России начались раскопки славянских городищ и курганов, некрополей у античных колоний в Северном Причерноморье, древних городов Киева и Херсонеса, возникли первые археологические музеи, были сделаны выдающиеся открытия (курган Куль-оба под Керчью, клад древнерусских ювелирных изделий в Старой Рязани). Все это вызывало определенный общественный резонанс.

В декабристской «Полярной звезде» Александр Бестужев писал: «К чести нашего века надобно сказать, что русские стали ревностно заниматься археологиею и критикой исторической — сими основными камнями истории»⁵. Пушкин внимательно читал бестужевские обзоры отечественной словесности и подробно разбирал их в письмах к автору (XIII, 177—179).

Становление археологии как самостоятельной науки — не частность, важная лишь для специалистов, а факт истории русской культуры. Неужели же всеоткликающийся Пушкин никак на него не отозвался? Нет, мы точно знаем, что он осматривал памятники древности в Крыму, в Молдавии, на Кавказе, интересовался трудами египтолога Гулянова и первого исследователя славянских городищ и могильников Ходаковского. Очевидно, тема нашей книги, при всей ее периферийности для изучения творчества Пушкина, имеет право на существование.

А отсюда и следующий шаг: не ограничиваться комментариями археолога к отдельным произведениям Пушкина, но постараться сравнить его подход к далекому прошлому с подходом современных ему ученых и с нашими сегодняшними оценками. Проблема: два пути познания, «физики и лирики» — волнует сейчас интеллигенцию и у нас, и за рубежом. «Сопряжение далековатых идей» (по выражению Ломоносова, часто применявшемуся нашими литературоведами 1920-х годов)⁶, таких как археология и творчество Пушкина, может привести к неожиданным и небесполезным выводам. Книга не претендует на то, чтобы исчерпать тему. Это лишь очерки, намечающие некоторые направления дальнейших исследований.